

Немирович-Данченко Василий Иванович

Подневольные странники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Подневольные странники / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 290 с.

ISBN 978-5-519-99069-1

ISBN 978-5-519-99069-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мутимо отрѣзала вѣчная заступница студентовъ, Текла, которую благородное юношество прозвало «неустрашимую Теклой!»

— Ахъ, ты подлая, да какъ ты смѣешь.

— Пусть и подлая, а смѣю. Чего еще! Что съ меня возьмешь?

— А, хорошо, хорошо...—задыхалась хозяйка. Такъ я къ самому пліцместеру сичасъ.

— Хоть къ фартальному бѣги—не спужаешь. Не больно-то я пуглива. Никакихъ я за собой художствъ или качествъ не знаю, и всѣ про меня скажутъ, что я дама самая достовѣрная. Пусть у старшаго дворника спросятъ...

— Да ты это что?.. Съ ума сошла... Съ кѣмъ это, мать моя, разговариваешь?

— Съ тобой.

— Да я тебѣ хозяйка или нѣтъ?

— Што-жъ, что хозяйка. Не генераль какой, слава Богу. Да я съ тобой разговаривать и вниманія не возьму...

— Не возьмешь?—схидно протянула хозяйка.

— И не возьму. Свое дѣло я исполнила. Самоваръ поставила, салоги господамъ вычистила, кушанье приготовила... Что тебѣ еще, какова золота требуешь. А по городovýmъ ты сама бѣгай... Мнѣ не сласть; девятый годъ въ людяхъ живу, а такой марали на себя не пушала... У тебя хвостъ длинный, ты и ступай... Ишь ты вонтельница какая выискалась!

— А ежели я—да расчѣсть,—пугала та.

— Благодареніе Создателю. Я сичасъ къ Кара-

пузовой. Не больно-то за твои три цѣлковыхъ держусь,—окончательно разгорячилась Ѳекла и вышла вонъ.

— Каково, каково это мнѣ... Отъ хамки слушать... Еще какихъ отъ васъ непріятностейъ ждать? Вы это убить, убить меня сговорились... Убить!—съ томленіемъ взвизгнула она... Сичасъ, чтобъ деньги, слышите, сію секунду. Подавайте, не жду, не жду, не жду больше.

— Ладно, подождешь,—воинствовала за дверями кухарка.

— Что-жъ вы молчите... Губители мои...

— *Sic Eumenes callidum imperatorem vicit consilio...*—читалъ вслухъ студентъ, зажавъ уши. Художникъ, сидя на кровати, моргалъ себѣ, слушая не безъ удовольствія филиппики хозяйки.

— А вы такъ, вы такъ!—окончательно избѣсилась та... Хорошо... Это что? Сюртукъ! А это скрипка. Я все это съ собой возьму.

— Не хотите ли кстати и плевальницу захватить! хладнокровно предложилъ съ кровати «патретчикъ».

— Наплюешси, милый, наплюешси,—ехидно шипѣла та.—Я докажу вамъ свою полную праву.

И буйствующая сирота собственноручно вытащила вьюшки изъ печки.

— Что сей сонъ обозначаетъ!—вопросилъ изумленный студентъ, прекративъ чтеніе.—Вы бы и кота съ собой захватили кстати, много ужъ пакостить.

— Ничего, поплюй, поплюй въ холоду-то... Поплюй! Въ прохладѣ посидите. Холодкомъ, холодкомъ

попользуйтесь. Я еще и дворника пришлю чтобы заслонки снять.

— А дворникъ, ежели Микита, такъ любовникъ ейный,—вставила кухарка изъ-за дверей.

— Лю-бовникъ!—съ остервенѣніемъ взвизгнула хозяйка. Посмѣнешся, постой!—И она, заметавшись по комнатѣ, выскочила наконецъ въ двери съ выюшками, палитрой, сюртукомъ и скрипкой.

— Видѣлъ?—обратились ко мнѣ.

— Видѣлъ.

— Каковъ анекдотъ?

— Скверный. Тутъ, братъ, цѣлая корреспонденція вышла, какъ выражается нашъ чебоксарскій дьячокъ. Пяти-пудовый російскій буржуа Семибрюховъ заказалъ мнѣ «патреть» со всей своей «фамиліи». Ходилъ къ нимъ съ недѣлю—все рисовалъ. Пять медалей съ утра самого онъ на себя взвѣшивалъ; потѣлъ, шельма, какъ пожарная лошадь. Трехобхватную жену съ зарп пять прикащиковъ да кучеръ въ корсеты соединенными силами затыгивали. До того, что та и говорить не могла, только икала. Рисовалъ я, рисовалъ. Сколько кулебякъ переѣлъ, въ тѣло даже вошелъ. Разсчитывалъ даже мзду вельми обильную и зѣло не вредную получить, какъ вдругъ въ это дѣло вмѣшался амуръ и завелъ полемику! Кулебячье-то дѣтище — Домна — влюбилась въ меня. Дѣло на чистоту открылось—меня чуть не по шеемъ, и мзда улетучилась. А и обнаружилось-то все изъ-за гадальщицы проклятой, Домна-то къ ней пошла обо мнѣ на картахъ раскинуть: «по шею, говорить, въ него влюбимши, и какъ тятенька у насъ строгъ,

такъ должна я моей судьбы рѣшиться». Старуха только-что ей судьбу на бубноваго короля разложила, а въ это время—трахъ! сама маменька въ дворъ. У нея вѣшь драдедамовый платокъ пропалъ, такъ тоже погадать пришла, не кучеръ ли стянулъ для своей любовницы. Какъ увидѣла дочку—первымъ дѣломъ ее за косы. Та съ дуру и повинилась. Такъ и такъ-де «по горло влюблена!» Мамынька, разумѣется, взвизгнула. «Какъ это во патретчика-то, въ стрюпкаго, всему нашему купецкому роду на посрамленіе...» Сейчасъ домой—и о драдедамовомъ платкѣ забыла. Родитель, какъ услышалъ,—обезумѣлъ. «Да лучше-жъ я тебя своими руками убью, чѣмъ бѣса тѣшить стану.» Надо полагать, выбилъ онъ изъ нея довольно моли, тогда-то. Такъ дѣло и разошлось. Вотъ та, картина-то, указалъ онъ на цѣлую семью изображенныхъ на полотнѣ уродовъ... Да! и ужъ пироговъ я поѣлъ, думалъ и конца имъ не будетъ!

— Да ты согрѣшилъ, что-ли?

— Помилосердуй. Я только раза три изъ любознательности перстами до нея коснулся. Тѣло дѣйствительно рыхлое. Больше ничего и не было. А она—по горло. Вотъ, братъ, гдѣ нынѣ страсти кипятъ... Отъ того у насъ и денегъ нѣтъ.

— Не говори съ тоской: «нхъ нѣтъ», а съ благодарностію: «были!» декламировалъ другой. Что же дѣлать, Филатка. Самоваръ вѣдь—ау! Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою.

— Ну, чай еще не особенная потребность—замѣтилъ я.

— Познай, о юноша, что мы третью недѣлю единымъ хлѣбомъ и чаемъ поддерживаемъ бранныя тѣлеса свои. Мясо египетскихъ не вкушаемъ.

— И манны небесной въ корзины не собираемъ.

— Но объ оной мечтать не воспрещается,—вскользь замѣтилъ студентъ... Нельзя ли заложить чего?

— Часы у Карповича?

— Увы!

— Лѣтніе штаны тамъ же?

— Вѣне.

— Сюртукъ одинъ, да и тотъ хозяйка унесла. Пальто не имѣется?..

— Разумѣется.

— Ну тебя, къ чорту, съ приемами!

— Поэзія—небесный даръ.

— Не зли, Филатка, подумай, что мы ѣсть будемъ.

— Возложимъ упованіе на Господа.

— Да ты войди въ себя. Эхъ, тебя лѣньемъ то прошибло. Вѣдь жрать хочешь?

— Алчу, но памятую повсечасно, что не единымъ хлѣбомъ сытъ человѣкъ бываетъ.

— Смѣйся больше.

— Это я разъ тоже остался въ скорбяхъ и болѣзняхъ. Яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего. Одному приказчику давалъ уроки рисованія. И такъ наострилъ парня, что тотъ на своего хозяина мѣсяца черезъ три каррикатуры сталъ рисовать. Мѣломъ бывало на дверяхъ изобразить его, а самъ—молчокъ. Разъ хозяинъ и подсмотри, и не говоря дурного слова, сгребъ его эдакъ за шиворотъ, словно

котенка, за выручку, тамъ и потѣшился. «Ты, говоритъ, моей чести не трожь, потому я за свою честь строгу.» Билъ его, билъ, наконецъ выпустилъ. Смотрю я недѣлю, другую, ученикъ не является. Пошелъ къ нему самъ. Стоитъ весь подвязанный. Увидѣлъ меня—позеленѣлъ даже. «Много, говоритъ, за вашу науку благодарны:» — «Не стоитъ, братецъ, въ чемъ дѣло?» — Это, говоритъ, видите, синяки-то? — Вижу. — И на эфтомъ мѣстѣ видите?... — Ну? — Опосля этихъ побоевъ, мнѣ и на карандашъ противно взглянуть, такъ всѣ косточки и начинаютъ ныть. Убирай-ка свои потроха отсюда! Вонъ тамъ всѣ ваши кисти да краски... Другой пользы съ эфтого дѣла, окромя сказаннаго убійства — не вижу! За послѣдній мѣсяцъ, шельма, и денегъ не заплатилъ. Такъ я и остался...

— Бываетъ.

— Нѣтъ, со мной это чаще, чѣмъ съ другими. Разъ у меня, это, одна барыня «рисовалась». Изображаю я ее въ лучшемъ видѣ, носъ пируэтомъ, губки бантикомъ... Только, что же бы ты думалъ, бородавкой обидѣлась. Зачѣмъ на лбу бородавка; а бородавка у нея съ добрую сливу. Портретъ не вернула, да еще къ мировому обѣщала «за оскорбленіе дѣйствіемъ», т. е. кистью.

— У меня разъ тоже грѣхъ случился, — вмѣшался студентъ. — Ходилъ я къ одному чиновнику, уроки юнцамъ его давалъ. Юнцы были глупы до зѣла. Насаждать сѣмена премудрости въ такихъ головахъ — истинная каторга. Я полагаю, что на Сахалинѣ убійцамъ лучше. Только обучилъ ихъ древней исто-

рин—перехожу къ русской и замѣчаю, что папенька на меня свирѣпо посматриваетъ. Какъ урокъ—онъ тутъ и присутствуетъ. Сядетъ и не уходитъ. Что-же оказалось? Все молчалъ, молчалъ, да разъ не выдержалъ и вспылилъ: «не потерплю, кричить, не потерплю. Нѣтъ, размахиваетъ руками, этого и сносить невозможно. Я долженъ рапортомъ заявить по принадлежности».—Что такое?—недоумѣваю. — Вы это что такое о народоправствѣ все толкуете? Развѣ вамъ не извѣстно, куда за это?.. О существованіи наблюдательныхъ учрежденій понятіе имѣете? Тутъ я только и понималъ. О новгородскомъ, вотъ, народоправствѣ дѣло шло, изъ исторіи пятнадцатаго вѣка. Расхохотался я ему прямо въ лицо. Ну, говорю, а въ географіи какъ республику Санъ-Марино обойти? То, говоритъ, Санъ-Марино, иностранецъ, ему простительно. А вы Козловъ—русскій, вамъ за это и въ Сибири мѣста мало! Еще пуще расхохотался я. Освирѣпѣлъ человѣкъ: я, говоритъ, двадцать пять лѣтъ государственную службу въ чинахъ прохожу, я моему императору—коллежскій совѣтникъ и кавалеръ, а вы что, мальчишка, школьникъ, свистунъ!.. Такъ и уроковъ за новгородское вѣче лишился и денегъ за два мѣсяца не получилъ. «Пусть это, говоритъ, служить вамъ наказаніемъ за вольномысліе!»

— Господа, что же мы ѣсть станемъ?

— Все.

— А именно?

— Колбасу, хлѣбъ, сыръ, масло, селедку и прочее.

— Не строй шута.

— Да вѣдь въ лавкѣ кредитъ еще есть. Я обѣщаль съ нашего Одсона Елизаровича портретъ срисовать. Только и требуется, чтобы я у него на груди непремѣнно персидскій орденъ Льва и Солнца изобразилъ и какую нибудь звѣзду позатѣйливѣй.

— А въ чемъ выйдешь, сюртукъ-то у хозяйки.

— Все пустяки въ сравненіи съ вѣчностью. Давай твой сюртукъ! — обратился онъ ко мнѣ. — Хорошо?

Малорослый и жиденькій студентъ уморителенъ былъ въ моемъ платьѣ.

— Чистая обезьяна, — плюнулъ другой квартирантъ.

— Скорѣе котъ въ сапогахъ, — острилъ самъ надъ собою юноша, путаясь въ длинныхъ фалдахъ.

— Нѣтъ, и лавочникъ не повѣритъ, какъ въ этомъ нарядѣ увидить.

— Не замѣтитъ. Я какъ войду, сейчасъ его огорошу. Сообщу, что Наполеонъ III въ Тюльери повѣсилъ, или что становой въ Брынскихъ лѣсахъ самого Гарибальди захватилъ. Мы вѣдь съ нимъ о политикѣ больше. У меня тутъ за 1858 годъ старья газеты были. Посылалъ ему я, нарочно, къ каждому дню соответствующій номеръ выбиралъ. Съ большимъ интересомъ онъ политическія извѣстія читалъ... Министръ иностранныхъ дѣлъ. Да сверхъ того, пообѣщаю я ему на портретъ шпицбергенскій орденъ «Азинуса-Максимуса» прибавить—растаетъ.

— Ну, ступай, ступай, а то еще хозяйка перехватитъ.

— Ей меня не поймать—изъ рукъ уйду.

— Эй вы, голобрюхіе,—торжественно вступила въ комнату кухарка.

— Что тебѣ, Текла цѣломудренная?

— Наша анафема ушла.

— Ну?

— Такъ, не солоно хлебала и укатила. Ежели на счетъ самоварчика, такъ можно.

— Ставь.

— Вашъ сюртукъ, да визжалку въ сундукъ къ себѣ спрятала. Нонѣ по крайности пилить не будешь. А то сверху колько разовъ жаловаться бѣгалн. «Какъ, говоритъ, вашъ студентъ на своей визжалкѣ зато-скуетъ, такъ барина собака скулить и начнетъ—отбою нѣтъ!» А теперь въ сундукъ ей покойно.

— Покойся, милый другъ, до радостнаго утра.

— Нахраненіи значить!—глубокомысленно заключилъ котъ въ сапогахъ.

— Ты, куцый куда въ чужой шкурѣ бѣжишь?

— Въ лавку, дѣва - орлеанская, въ лавку къ буржуа.

— То-то, погляжу я, собаки залаютъ на дворѣ. Да ты смотри парень, кота у меня не испужай.

Всѣ разсмѣялись. Кухарка, повидимому, была на короткой ногѣ съ жильцами.

— Точно облизыянтъ съ шарманки!—заключила она, оглядывая спускавшася уже съ лѣстницы художника...

Пришлось разочароваться. Пріятели были сами на мели. Въ карманѣ у меня звенѣло нѣсколько

мелочи—на сегодня я могъ еще быть сытымъ, а завтра?.. Завтра, что Богъ дастъ!..

Бродя по улицамъ, я выбрался на Садовую. Съ двугривеннымъ въ карманѣ не въ трактиры же было идти. Пошелъ въ закусочную.

Въ большой подвальной комнатѣ стоялъ дымъ коромысломъ. Изъ этого чаднаго тумана выдѣлялись десятки раскраснѣвшихся лицъ и надо всѣмъ разносился гулъ отъ множества кричавшихъ, говорившихъ и пѣвшихъ голосовъ. Часть комнаты была занята громадною русскою печью, въ которой трещала и шипѣла разнообразная снѣдь, во всевозможныхъ тарелкахъ и мискахъ.

— Тоже, плѣсень!—запѣлъ хозяинъ на ѣвшаго извозчика. Чтожъ, ты плѣсень никогда не видалъ? Экой ты, парень, посмотрю я, глупый.

— Да ты съ чего привязался, я—потому, нонѣ холера.

— Рази отъ эфтаго холера?

— Отъ нечистоты нашей, я знаю, я одного дохтура возилъ.

— Зналъ кому повѣрить—дохтуру. Отъ нечистоты! Рази въ брюхѣ у тебя чисто?

— Это точно... Зацѣпка маленькая есть... Однава на селѣ у насъ бабу потрошили, я въ понятыхъ былъ. И сколько, братецъ ты мой, дряни въ ней этой нашли!.. Ахъ, много!..

— А холера отъ того, что нонѣ много народушку воспу эту прививаютъ.

— Н-ну!—удивлялся извозчикъ. У меня вѣдь тоже.

— И дуракъ.